

Творческое объединение «ЗЫБЧАНИЕ» представляет
ЛИТЕРАТУРНУЮ СТРАНИЦУ

12+

Елена
АКШЕВСКАЯ

***
Я тебя не звала, осень,
Ты иди своею дорогой,
Поброди меж берёз и сосен,
Но моё лето не трогай!
Я прошу самую малость:
Чтобы всё осталось как было,
Я ещё не намечталась,
Не согрелась и не долюбила!
Я ещё не налеталась
С тёплым ветром
шалльных расветов,
В сочных травах не повенчалась
С запоздавшим моим летом!
Осень, осень, прошу не надо,
Слишком рано нам быть вместе!
Я ещё люблю листопада
Золотисто-багряные песни,
Я ещё насыжусь у порога
И сожгу облетевшие листья,
Но позволь мне сейчас
хоть немного
Насладиться непрожитой жизнью!

Надежда
ЩИПАКИНА

СОМНЕНИЯ
Сомнения стаей птиц кружат,
О сложном или о простом
Заговорят, узор из кружев
Словес развесив надо мной, и сто
Моих разуверений
По-птичьи ловко расклюют.
И жар мгновенных откровений,
И пыл надежд, и слов уют –
Растреплют всё. И станет ясно,
Что мир отчаянно устал,
Что в нём звучал, увы, напрасно
Любви торжественный хорал.
Покажется: всё онемело,
И немоте той нет границ.
И то и дело, то и дело
Слышны в нём крики
Новых птиц.

«ГРОЗДЬЯ ВИНОГРАДА».
Фотоэтиюд Ларисы ШПАКОВОЙ.

Любовь
ФЁДОРОВА

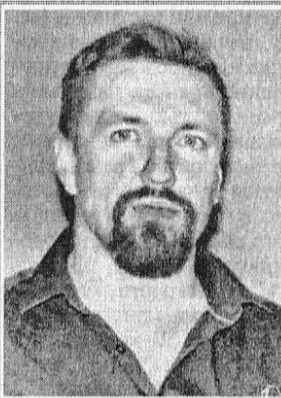
Л.А.
Признать свой возраст –
не про Вас.
Ваш взгляд живой не даст солгать.
Желаю Вам земных прикрас,
Душевных – Бог успел вам дать.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА

***
Не разгулялась нынче осень –
Ни золота, ни даже меди
Не накопила. Неба просинь
Зашторил облаками ветер.
Холодный дождь кнутом стегает
Ночь от заката до рассвета.
Чуть слышным шёпотом стекает
Не вызревшее бабье лето
С деревьев. Изморозь резвится,
По травам рассыпает стразы,
И травы умирают сразу
И безысходность в крике птицы
Мне слышится. И я ночами
Той безысходностью болею,
Печаль, как колыбель, качаю.
И быстротечность лет жалею.

Александр КУДРЯВЦЕВ

КУКА

Александр Кудрявцев родился в г. Новозыбкове в 1979 году. Закончил факультет журналистики Санкт-Петербургского университета. Работает в известном агентстве МИА «Россия сегодня». Первые рассказы появились ещё в школьные годы. Публикуется в литературных журналах и альманахах. Автор трёх книг: «Не бойся никогда, или исповедь нелишнего героя» («Эксмо», 2008 г.), «Железные волки. Небо славян» (АСТ, 2016 г.), «Время секир» (АСТ, 2017 г.). Живёт в г. Санкт-Петербурге.

Слышишь, кукует? Думаешь, кукушка? Э-э-э... Кукушка, она только в часах кукует. А в лесу – другое. Не птица и не зверь. Звуки эти другое существо издает, не от мира сего, не от мира того – Страж миров, Кука зовется. Ростом существо это с собаку, голова маленькая, плоская, три глаза на лице: стеклянный, оловянный, деревянный, тело все чешуйтятся, на лапах – когти алмазные. Хотя перед человеком оно, в общем-то, в любом обличье предстать может.
А когда кукует Страж, у дерева, где он живет, дверь открывается, в другие миры, да. В царство золотое, но что там творится, знать не велено, никто еще оттуда не возвращался.

Дерево, где Кука живет, сложно отыскать, но можно – живет Страж на том дереве, куда радуга после дождя упирается. Только без венка из папоротника, в полночь на перекрестке сорванного, подходить в жилищу Куки нельзя, нет. Возвращаются такие иногда из леса, с разодранной шеей, рысь, говорят, сверху прыгнула, а старики глаза отводят – алмазные когти Куки узнали. Но доброго человека Страж не трогает, нравятся ему добрые. Обмануть его невозможно, высоко сидит, далеко глядит, все ведает... А когда укает, всегда ведь кажется, что совсем рядом. Потому что так оно и есть. Потому что дверь невидимая, что под его охраной, всегда в одном шагу от тебя находится...
– Деда, а я бы ему понравился? Я ведь добрый?
– Конечно, Мишаня, добрый. Кука таких как ты, признает, может и клад старинный показать. Или беду отвести...
– Бистрей! – идущий сзади человек в странной стальной шапке ткнул старика в спину дулом автомата.
– Деда, а куда нас немцы везут-то, а?
– В соседний поселок, там поработаем чутка, а потом домой вернемся. Так вот, слушай про Куку...
– А почему на ночь глядя везут? Скоро темно же будет, как работать, а, деда?
– Кука ничего не ест никогда, только пьет – свет закатного солнца. Смотри, видишь, как красиво? Солнышко какое красное, видишь?
– Хоть бы дите пожалели, – пробормотал бредущий рядом однорукий хромой парень лет двадцати.
– Они боятся, – тихо сказала пожилая женщина, в чью спину иногда упирался ствол второго автоматчика, – даже сейчас боятся, специально ночи дождались. Ее молодая подруга молча, быстро и мелко крестилась.
– Молчат!! – рывкнул первый автоматчик.
Парня, старика с внуком и двоих женщин подвели к большой свежевырытой яме на невысоком холме.
– Вот на этом дереве Кука живет, – шепнул старик мальчику на ухо, заговорицки показывая глазами на высокую сосну неподалеку, – сюда радуга после дождя упирается, сам видел.

– Вон на той?
– Подожди, не смотри туда, – шершавая стариковская ладонь осторожно закрыла мальчику глаза, – нельзя на Куку на закате смотреть – в мышь летучую можно превратиться.
– Ой, – сказал мальчик и покрепче прижал ладошками к глазам руку деда.

Автоматчики взвели затворы.
Грохот выстрела вспугнул стайку лесных пичуг из зарослей орешника неподалеку.
Первый автоматчик прижал руки к лицу и тяжело рухнул на спину. Следующий выстрел оставил багровую дыру в левом нагрудном кармане кителя второго.

– Пока нельзя, – сказал старик, не опуская руки с лица внука.
– Кука?
– Он самый...
– Так интересно же! – мальчик повернулся от старика и принялся смотреть во все глаза.
С высокой сосны – жилища Куки – ловко спускался какой-то человек в зеленой форме. За его спиной болталась трехлинейка. Спрыгнув на землю и отряхнувшись, он подошел к убитым, обшарил их карманы, забрал автомат, перекинув ремень через плечо.
– Спасибо вам, товарищ, – сказал старик, – что мы для вас можем сделать?
Женщины и хромой вдруг разом загалдели, очнувшись от шока неожиданности.
Человек улыбнулся – голубые глаза и белые зубы на чужом лице.
– Мне ничего не надо.
– Дяденька, а вы – Кука? – решил уточнить рассказ деда мальчик.
Человек не ответил, снова улыбнулся, словно осветил, взъерошил пацану светлые волосы.
– Товарищ, вы, верно, партизан, – хриплым от волнения голосом сказал хромой, – заберите меня с собой, немчуру бить! Пожалуйста...
– Я заберу всех, – сказал человек, – обратно возвращаться никому нельзя. Идите за мной.
Он неспешно спустился с невысокого холма. Он шел к сосне, куда после дождя упиралась радуга.
– Не оглядывайтесь, – строго сказал человек, и Мишаня тут же повернул голову.
Он увидел на холме двух немецких автоматчиков, как ни в чем ни бывало, деловито закапывающих что-то в глубокой яме. Один из них воткнул лопату в землю, вынул флягу из кармана и закурил.
– Деда, – испуганно протянул мальчик.
Человек повернулся к ним. «КУ-КА!» И мальчик увидел, что один глаз у него стеклянный, второй – оловянный, третий – деревянный.
На клич его зажглась над высокой сосной зеленая звезда.

Ольга
БУЛАНОВА

ПОДАРОК
Осень не хотела уходить
И дождями плакала от горя.
И зима решила уступить,
Всю неделю с осенью не спорить.
И тихо нашептала декабрю:
– Погоди пока ещё с морозом,
Я на память осени дарю
О былом волнующие грёзы.

Художник Светлана
ПАРФЕЛЮК.
«ОСЕННИЙ ЭТЮД».

Маргарита
БАЛЬЗАРАЙТЕНЕ

КОРНИ
А корни всё сильнее так и тянут
Туда, к себе, откуда проросли.
Средь ночи беспокойной
вдруг предстанут
В обличье отчей матушки-земли.
Раскинутся незримые просторы,
Поросшие
сплошным березняком,
На окнах изб морозные узоры,
А по логам – туманы молоком.
На белый свет
сквозь заросли густые
Проглядывая, реченька бежит,
И с грустью
глядя на поля пустые,
Прощаясь,
журавлиный клин летит.
Угрюмый лес,
таинственный и строгий,
Покой, подобно стражу,
бережёт.
А вот и след просёлочной дороги,
Откуда путь судьба моя берёт.
А корни тянут
и влекут незримо,
Бессонными ночами вороча
Всё в памяти,
что пронеслось мимо,
Что ценно, что не стоит ни гроша.
Проклонится травинка
в майском поле,
С дубовой ветки жёлудь упадёт,
Как будто ветер,
резвый конь на воле,
И днями пряжу
бабушка прядёт.
И жаворонки мирные рассветы
Так радуют, что слов не передать,
И в сумке почтальной
приветы
Мне письма шлют,
и мне не разгадать
Той истины простой,
что так понятна
теперь, когда прошло немало лет,
Когда надежда мало вероятна,
Когда сошли все силы уж на нет.
Но ворошат всю душу
наизнанку
Следы шагов моих и первых слов,
И дни, когда вставая спозаранку,
Чтобы на поле гнать пасти коров.
Как прежде,
там живут ещё поныне
Ковры цветов, которые не вянут,
Оранжевые рыжики в корзине
И корни,
что к себе всё ближе тянут.

Владимир
ВИНОГРАДСКИЙ

***
Ну, как дела?
И что в душе играет?
Куда сегодня жизнь нас заведёт?
Как ни крути, а время убегает,
Но всё же
благоклонен небосвод.
А это значит,
надо жить и верить
Во много замечательных вещей:
В любовь в сердцах,
в распахнутые двери,
Во встречу, в общем,
в искренних друзей.
И пусть уже дождями
плачет осень,
Пускай уже короче новый день,
Но на душе тепло,
кого ни спросим,
И искрой серебрится
речка Свень.
Так почему, когда на сердце тучи,
Когда не в силах расстоянья
побороть,
Сияет на душе весенний лучик?
Лишь потому,
что кто-то верит, ждёт!

Людмила
СТАРОДУБЕЦ

ОСЕНЬ
За окошком все чаще туманы,
Да еще дождей моросель.
В темном парке скупают качели,
Да пустая скрипит карусель.

Татьяна
САМУСЕНКО

ЛУННЫЙ ЛИК
Большой как солнце, ярко-рыжей
Восходит полная луна.
Роскошным блюдом крыш повыше
По небу катится она.
Какой невидимый художник
Узор на блюде рисовал?
Наверно, было очень сложно,
Кого в помощники он брал?
На те рифлёные узоры
Не отрывая взгляд гляжу;
Вот океаны, рки, горы...
Но чьё лицо я нахожу?
Узор внезапно превратился
В печально-строгий лунный лик.
«Лучистый» взор небесный лился –
Ночных иллюзий проводник.

Татьяна
ПОЖИЛЕНКОВА

БАЛЬЗАКОВСКИЙ ВОЗРАСТ
Она бежит за ускользящей
собой,
Оглядываясь в зеркало тревожно.
И гонится за ней
морщинок рой
И призраки несъеденных
пирожных.
В душе она, как прежде, молода,
Хрупка, свежа,
а главное ранима.
Но таймером стучат
в висках года,
И с ног сбивает
новая морщина.
Ей хорошо в проблемах и делах,
А перед зеркалом уже не так уютно:
Стоит с улыбкой горькой
на губах
И поцелуй вспоминает смутно.
Ну, не отменишь времени, увы.
И грустных отражений
не отменишь.
Начало заключительной главы.
Последний бенефис
на жизни сцене.